

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ОДИНОКИЙ

Зинаида Николаевна Гиппиус

ОДИНОКИЙ

Аннотация

«Лугановы наняли квартиру на Алексеевской улице.

Квартира была небольшая, но удобная, в нижнем этаже. Наверху жили сами хозяева – Стаховские.

Лугановы много слышали об этой семье. Михаил Васильевич Стаховский был еще не старик, плотный, загорелый, с красивыми бакенбардами. В городе его звали «кремень человек». Он начал без денег и без образования, но к пятидесяти годам у него было доходное место в банке и дом...»

Содержание

I	4
II	6
III	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Зинаида Гиппиус

Одинокий

I

Лугановы наняли квартиру на Алексеевской улице.

Квартира была небольшая, но удобная, в нижнем этаже. Наверху жили сами хозяева – Стаховские.

Лугановы много слышали об этой семье. Михаил Васильевич Стаховский был еще не старик, плотный, загорелый, с красивыми бакенбардами. В городе его звали «кремень человек». Он начал без денег и без образования, но к пятидесяти годам у него было доходное место в банке и дом.

О жене его, – которую почти никто не видал, – ходили самые странные толки: она была еще молодая женщина, но от постоянного впрыскивания морфия – почти совсем сумасшедшая.

Ее жалели, но только те, кто ее не видал, а видевшие – молчали и покачивали головой.

Нина Луганова хотела больше всего познакомиться с молодым Стаховским. Она слышала, что он очень привлекателен, и, кроме того, ее заинтересовала история первого брака Михаила Васильевича: жена умерла от чахотки, и за нею умирали почти каждый год ее дети, к которым перешла эта

болезнь. Одна дочь, уже замужняя, умерла недавно, оставив ребенка. Последний сын, двадцати восьми лет, был на очереди, – его-то и хотелось увидеть Нине.

Нина, старшая дочь Лугановых, рано кончила гимназию. Теперь ей было только шестнадцать лет. Среднего роста, крепкая и розовая, с совсем детскими карими глазами и длинной каштановой косой, – она иногда казалась хорошенькой. Старший брат, который теперь уехал в Петербург, приохотил ее к книгам. Нина читала без разбора и Спенсера, и Милля, и Юма – и очень гордилась, что она не похожа на других барышень и читает такие серьезные книги. Понимала ли она то, что читала, и как понимала – было неизвестно, но она всегда смело пускалась в разговоры о существовании души и в споры о самых отвлеченных предметах. Если сказать правду, это не мешало ей ссориться с братом-гимназистом из-за съеденных конфет, танцевать на балах и очень любить романы.

Молодого Стаховского все звали Пьером, на французский лад. Он был музыкант, немножко художник, бледен, красив и, главное, умирал от чахотки – всего этого оказывалось более чем достаточно, чтобы смертельно заинтересовать Нину. Она знала, что Пьер избалован своими успехами, сама видела несколько барышень и барынь, по слухам, влюбленных в него еще до его недавней поездки за границу, – и с нетерпением ждала первого визита Пьера.

II

Может быть, именно потому, что Нина слишком много ожидала от первого свиданья – она разочаровалась. Пьер ей не понравился.

Но, вероятно, Нина понравилась ему, потому что визиты стали повторяться, стали похожи на ухаживание. Один раз он принес ей недурную акварель своей работы, потом прислал букет. Нине это было приятно.

Наконец, в один из вечеров Пьер согласился принести свою скрипку и поиграть. Нина слышала хорошую игру только в концертах, где сидеть тесно и неловко, где сверху идет резкий и неприятный свет, а воздух – душен и сперт. Нина не любила ходить в концерты и думала, что не любит музыку.

Теперь она устроилась уютно, в темном уголке дивана, под широким листом латании.

Аккомпанировал учитель музыки, робкий и сухой. Нина слушала с недоверием, хотя знала, что Пьер долго занимался в Вене.

Несколько первых пьес прошло гладко, хотя и тогда уже Нину поразил жалобный и нежный звук очень дорогой, редкой скрипки.

Пьер казался недовольным, он что-то долго толковал учителю музыки, но не мог растолковать и, наконец, сказал, что ему удобнее играть без аккомпанемента.

Нина недоверчиво улыбнулась, – она никогда не слыжала скрипки без аккомпанемента, ей казалось, что это будет нечто ужасное.

Учитель поспешно встал из-за рояля, потушив свечи.

Пьер вышел на середину комнаты и заиграл.

Понемногу стало казаться, что это звук не струн, а человеческого голоса. Каждая нота была продолжительна и, сливаясь, переходила в другую. Слова – это только способ, средство передать чувство, музыка – это само чувство, как оно есть, каким мы увидели бы его, ежели бы можно просто раскрыть чужое сердце и заглянуть внутрь.

Пьер играл нервно, почти без внешнего такта, по-своему, и все у него выходило торопливо, обиженно, иногда жалобно и нежно, иногда странно сильно – и ударяло по нервам неожиданной гармонией. Он, вероятно, ничего не думал, когда играл, и сам не знал, какими способами находил единственно истинные звуки.

Он играл только час, но, кончив, казался утомленным и рассеянным.

Нина думала, что теперь любит музыку. Целый вечер она не проронила ни слова. С тех пор отношение ее к Пьеру стало иным.

III

Дом со двора был окружен балконами, как все южные постройки. Стеклянная галерея вела в большой флигель – угрюмый и пустой, с заколоченными окнами. В глубине двора начинался сад, не широкий, но очень тенистый летом.

Теперь деревья, несмотря на конец февраля и очень теплую погоду, стояли еще голые. Беседки казались унылыми, и только около забора и корней деревьев росла свежая трава, да темные фиалки. Пьер, сбросив с себя пальто, усердно копал «свою» грядку.

Каждый год он сам вскапывал ее, сажал цветы и аккуратно поливал их.

Его радовали и занимали пышные маргаритки гелиотроп, и он искренне огорчался, если цветы погибали.

Этой весной он обещал Нине посадить цветы, какие она захочет. Семена были куплены, и сегодня Пьер вместе с Ниной собирался работать в саду.

Пьер не вскопал и половины грядки, но уже устал.

Он снял мягкую коричневую шляпу и сел отдохнуть на скамейку под деревом. С утомленным, немного осунувшимся лицом, он казался совсем больным в это солнечное утро.

Пьер давно знал и давно привык к тому, что он красив. Волнистые темные волосы, кудрявая борода, тонкий нос и очень белый, высокий лоб – были красивы. Даже худоба его

не портила, а худ он был так, что все платье его казалось сделанным не по нем: рукава слишком широки, синяя курточка висела складками.

Улыбка у него была необычайно милая и кроткая. Нина часто говорила, что действительно избалованный и самонадеянный человек не умел бы так улыбаться.

Но выражение его глаз часто пугало ее. Она не понимала – отчего они такие странные?

А это были просто глаза больного человека. Взгляд, который пугал Нину, был безучастен: здоровые люди так не смотрят.

Пьер знал с детства, что рано умрет от чахотки, и привык к этой мысли. Он не кончил гимназии, но его и не принуждали. Увлёкся рисованием, но учился не серьезно, точно «пока». Поехал за границу, послушал лекции в университетах. Занялся музыкой и учился долго, потом вдруг сразу бросил все и вернулся домой. Но все-таки мысль о неизбежной смерти не делала его несчастным. Болезнь изменяла его так медленно и постепенно, что он не замечал перемены и думал: «Еще не теперь, еще поживу... хоть немного-то. Вот полечусь...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.